

настоящими признаками мифа. В какое произведение ни загляни — со страниц льется один сплошной негатив. Вот смотрите!

Гоголь в «Петербургских повестях»: «Все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно».

Достоевский в романе «Подросток»: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметесь с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?“»

Дмитрий Мережковский в романе «Петр и Алексей»: «Попомни меня! — воскликнула Марья пророчески. — Питербурх не долго за нами будет. Быть ему пусто! <...> Быть пусто, быть пусто! К черту в болото провалится! Как вырос, так и сгинет, гриб поганый. И места его не найдут, окаянного!» В романе «Александр I» Мережковский дает несколько иную версию гибели Петербурга, но тоже не оставляющую надежд на благоприятный исход: «Старики сказывают, — на Петербургской стороне, у Троицы, ольха росла высокая, и такая тут вода была, лет за десять до построения города, что ольху с верхушкой залило, и было тогда прорицание: как вторая-де вода такая же будет, то Санкт-Петербургу конец, и месту сему быть пусто». То есть в любом случае несчастному Петербургу суждено опустеть.

Алексей Толстой в «Хождении по мукам» тоже не остался в стороне и приложился к этой теме: «Еще во времена Петра Первого дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста, спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербургу, мол, быть пусто“, — за что был

